

СОДЕРЖАНИЕ

В.Г. Николаев. Социология Чарльза Хортона Кули: Сад расходящихся троп	5
--	---

ТЕОРИЯ ТРАНСПОРТА (1894)

Введение	25
Глава I. Механические и геометрические понятия	27
Глава V. Транспорт и организованное общество в целом	32
Глава VIII. Связь транспорта с организацией, имеющей идеальную цель	36
Глава IX. Транспорт и экономическая организация	43
Глава X. Местоположение городов	56

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (1909)

Часть II. Коммуникация	64
Глава VI. Значимость коммуникации	64
Глава VII. Рост коммуникации	67
Глава VIII. Современная коммуникация: Расширение и воодушевление	78
Часть V. Институты	85
Глава XXVIII. Институты и индивид	85
Глава XXIX. Институты и индивид (продолжение)	95
Глава XXX. Формализм и дезорганизация	106

РАБОТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Процесс социального изменения (1897)	117
Социальное сознание (1907)	135
Оценивание как социальный процесс (1918 [1912])	148
Институциональный характер денежного оценивания (1913)	156

Сфера денежного оценивания (1913)	169
Политическая экономия и социальный процесс (1918)	185
Корни социального знания (1926)	194
Кейс-стади малых институтов как метод исследования (1928) ..	215
Метод жизнеизучения в приложении к сельским социальным исследованиям (1929)	225

В.Г. Николаев*

СОЦИОЛОГИЯ ЧАРЛЬЗА ХОРТОНА КУЛИ: САД РАСХОДЯЩИХСЯ ТРОП

Чарльза Хортон Кули безвестным не назовешь. В 1930 г., спустя год после его кончины, Роберт Кули Энджелл, его племянник и самый заметный из его учеников, писал: «Не может быть сомнений в непреходящем значении работ Чарльза Хортон Кули, и среди социологов не будет недостатка в оценке его величия»¹. Такие слова типичны для мемориальных публикаций, но чаще всего оказываются последним знаком уважения, предшествующим забвению, иногда очень быстрому. В случае Кули не так: прогноз сбылся, его до сих пор помнят и, в каком-то смысле, знают; его переиздают и читают (пусть даже преимущественно или только студенты).

При этом, как это часто случается со старой признанной классикой, по мере того, как мы удаляемся во времени от умершего автора, память о нем, знание о нем и его идеях, чтение его работ становятся выборочными, и там, где мы имеем дело с мыслью действительно значимой, время от времени эта выборочность в той или иной мере пересматривается. Идеальный мир автора продолжает жить своей самостоятельной жизнью в изменчивых и поразному устроенных копиях и дубликатах, претендующих на соответствие оригиналу, но не всегда хорошо ему соответствующих.

* **Николаев Владимир Геннадьевич** – канд. социол. наук, доцент кафедры общей социологии, департамент социологии, факультет социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН (Москва).

¹ Angell R.C. Cooley's heritage to social research // Social forces. – Oxford, 1930. – Vol. 8, N 3. – P. 340.

Мотивом, побудившим издать этот сборник текстов Кули, было осознание того, что расхождение копий и дубликатов с оригиналом очень велико, что последний интереснее и богаче и что он до сих пор сохраняет свою ценность для осмысления того, что такое социология как наука, как она устроена и какие возможности она дает нам для познания социальной реальности, в которой разворачивается наша жизнь.

Чарльз Хортон Кули¹ родился 17 августа 1864 г. в Энн-Арборе, шт. Мичиган. Его отец, Томас Макинтайр Кули, был известным юристом, судьей Верховного суда штата Мичиган, одним из основателей и первым деканом Школы права в Мичиганском университете, а также первым председателем Межштатской торговой комиссии. Сын рос застенчивым, малообщительным и болезненным ребенком (с дефектом речи и глухотой на одно ухо), в тени знаменитого отца. Это обстоятельство часто отмечается биографами как во многом определившее личность Кули: он с детства предпочитал уединение, любил читать, часто предавался грезам; мечты о славе преследовали его всю его жизнь². Постоянные болезни сильно затянули его учебу в Мичиганском университете. Сначала он учился на инженера, и это заняло семь лет, с 1880 по 1887 г. Но его душа не лежала к этому, и в 1888 г. он вернулся в университет, на этот раз изучать экономику. На рубеже 1880–1890-х годов у него возник интерес к социологии. Он познакомился с трудами Г. Спенсера, О. Конта, Г. Тарда, Г. Мэна, Л.Г. Моргана, Л. Гумпловича, А. Шеффле³, встречался с Л.Ф. Уордом и

¹ Биографические сведения почерпнуты в публикациях: Angell R.C. Cooley, Charles H. // *International encyclopedia of the social sciences* / Ed. by D. Sills. – N.Y.: Macmillan: Free press, 1968. – Vol. 3. – P. 367–382; Bain R. Cooley, a great teacher // *Social forces*. – Oxford, 1930. – Vol. 9, N 2. – P. 160–164; Hamilton W.H. Charles Horton Cooley // *Social forces*. – Oxford, 1929. – Vol. 8, N 2. – P. 183–187; Charles Cooley // *Wikipedia*. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/Charles_Cooley [Accessed 23.08.2018.] Наиболее полная биография Кули написана Э.К. Дженди: Jandy E.C. Charles Horton Cooley: His life and his social theory. – N.Y.: Dryden, 1942. Емкий историко-социологический портрет Кули см. в книге: Козер Л. Мастера социологической мысли: Идеи в историческом и социальном контексте / Пер. с англ. Т.И. Шумиловой; под ред. д-ра филос. наук, проф. И.Б. Орловой. – М.: Норма, 2006. – С. 199–236.

² Schwartz B. Emerson, Cooley and the American heroic vision // *Symbolic interaction*. – Hoboken (NJ), 1985. – Vol. 8, N 1. – P. 109–110, 117.

³ Очарование Спенсером, первоначально очень сильное, быстро прошло; наибольшее же впечатление из всей социологической литературы на Кули произвела книга Шеффле «Строение и жизнь социальных тел». См.: Schäffle A.E.F. Bau und Leben des sozialen Körpers: In 4 Bd. – Tübingen: Laupp, 1875–1878.

Ф. Гиддингсом. В конце 1880-х годов Кули провел больше года в Вашингтоне, изучая статистику трамвайных линий для Торговой комиссии, возглавляемой его отцом; из этого исследования выросла первая его публикация – статья «Социальная значимость трамвайных дорог» (1891). В 1892 г., еще будучи студентом, Кули приступил к преподаванию в Мичиганском университете, в котором работал всю жизнь (в 1899 г. он впервые прочел отдельный курс по социологии). На начало 1890-х годов приходится и его знакомство с Дж. Дьюи: он прослушал по крайней мере один курс Дьюи (по политической философии) и регулярно общался с ним; известно, что Дьюи лично поучаствовал в допуске Кули к преподаванию, когда у того еще не было докторской степени¹. В 1894 г. Кули защитил докторскую диссертацию («Теория транспорта»). После этого он окончательно переключился на социологию, и вся его дальнейшая академическая и писательская карьера связана с ней. Публикации принесли ему уже при жизни широкую известность и высокую репутацию. В 1918 г. он был избран президентом Американского социологического общества. Всю жизнь Кули провел в Энн-Арборе, почти из него не выезжая. 7 мая 1929 г. он умер от неопознанной формы рака.

Наследие Кули сравнительно невелико: пять книг и небольшое число статей. Первой значительной публикацией стала книга «Теория транспорта» (1894), новаторское исследование в области, названной позже человеческой экологией. Далее последовали три книги, составляющие его так называемую «трилогию»: «Человеческая природа и социальный порядок» (1902; в 1922 г. вышло переработанное издание)², «Социальная организация: Исследование

¹ В это же время в Энн-Арборе по возвращении из Европы недолго работал Дж.Г. Мид, и, возможно, Кули был знаком и с ним – по университетским делам, через Дьюи или через чаепития «самоварного клуба», которые Кули регулярно собирал и на которых наверняка бывал Дьюи, тесно с Мидом друживший; Энн-Арбор был маленьким университетским городком, где все друг друга знали. Однако никаких следов это знакомство, если оно было, не оставило. Подробнее об этой истории знакомства / незнакомства Кули и Мида см.: Jacobs G. Influence and canonical supremacy: An analysis of how George Herbert Mead demoted Charles Horton Cooley in the sociological canon // J. of the history of the behavioral sciences. – Hoboken (NJ), 2009. – Vol. 45, N 2. – P. 128–129.

² Cooley Ch.H. Human nature and the social order. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1902. – (Rev. ed. 1922). Рус. пер.: Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. под общей редакцией А.Б. Толстова. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. Это единственная книга Кули, полностью переведенная на русский язык.

более широкого разума» (1909)¹ и «Социальный процесс» (1918)². Последняя книга, «Жизнь и исследователь» (1927)³, собрана из переработанных записей из дневника, который Кули вел с 18 лет (сам дневник так и не был полностью опубликован, хотя считается одним из важнейших источников для тех, кто изучает жизнь и наследие Кули). Некоторые статьи, написанные Кули, вошли в его книги как главы (в слегка переработанном виде); часть статей остались самостоятельными текстами. После кончины ученого статьи были собраны под одной обложкой Р.К. Энджеллом⁴.

Тексты Кули с самого начала выделяли его среди других основателей американской социологии. Так, Дж. Винсент в рецензии на «Человеческую природу и социальный порядок» писал: «Этот том – нечто аномальное в социологической литературе, тем не менее мы приветствуем его за саму его неконформность»⁵. Аномальность эта состояла прежде всего в том, что Кули совершенно не был озабочен определением предмета социологии⁶ и даже не пытался утвердить и отстоять ее автономию и право на научный статус. Он был определенно последователен в размышлениях и анализе, но не создал ни стройной теоретической системы, ни специального понятийного аппарата⁷. С недоверием относясь к абстракциям, строгим определениям

¹ Cooley Ch.H. Social organization: A study of the larger mind. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1909.

² Cooley Ch.H. Social process. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1918.

³ Cooley Ch.H. Life and the student: Roadside notes on human nature, society and letters. – N.Y.: Knopf, 1927.

⁴ Cooley Ch.H. Sociological theory and social research, being the selected papers of Charles Horton Cooley / With an introduction and notes by R.C. Angell. – N.Y.: Holt, 1930. Другой сборник работ Кули, скомпонованный из наиболее важных статей и глав его книг, был подготовлен и опубликован Х.-Й. Шубертом: Cooley Ch.H. On self and social organization / Ed. by H.-J. Schubert. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1998.

⁵ Vincent G. *Human nature and the social order* by Ch.H. Cooley: Review // American j. of sociology. – Chicago (IL), 1903. – Vol. 8, N 4. – P. 559.

⁶ Социология определялась им в самом общем смысле – как «наука о человеке в группе» (цит. по: Wood A.E. Charles Horton Cooley: An appreciation // American j. of sociology. – Chicago (IL), 1930. – Vol. 35, N 5. – P. 709). Так же широко определялся и ее предмет: «А личное общение может рассматриваться либо в его первичных аспектах, о которых идет речь в этой книге, либо во вторичных – таких как группы, институты или процессы. Социология, я полагаю, – это наука о таких вещах» (Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. под общей редакцией А.Б. Толстова. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. – С. 102).

⁷ Gutman R. Cooley: A perspective // American sociological rev. – Wash.; Thousand Oaks (CA), 1958. – Vol. 23, N 3. – P. 251, 255; Hinkle R.C. Charles Horton Cooley's general sociological orientation // The sociological quart. – Hoboken (NJ), 1967. – Vol. 8, N 1. – P. 5.

и вообще к идее социологии как строгой науки, считая, что задачей социологии является адекватное отражение жизненного процесса, он всячески избегал сползания в абстрактные теоретические построения и постоянно сопровождал все свои рассуждения иллюстративными примерами. Материал для таких примеров и пояснений он брал опять же не там, где его обычно берут социологи. Вместо обычных социологических наблюдений и разного рода данных, в том числе статистических, использовались материалы из художественной литературы, автобиографий, дневников, эссеистики, личные наблюдения (в том числе за собственными детьми)¹. Хотя у Кули есть и узнаваемые характерно научные референции к Ч. Дарвину, Дж. Болдуину, У. Джеймсу, Дж. Дьюи, Дж. Адамс, Дж. Брайсу и т.д., его тексты изобилуют всевозможными литературными и историческими отсылками, личными наблюдениями и впечатлениями². Как для писателя, важнейшими референтными фигурами для Кули были вовсе не социологи, а Гёте, Эмерсон, Торо, Монтень, Патер³. Теория в работах Кули представлена имплицитно, как общая перспектива, как «подспудная рамка», как последовательно и методично выстраиваемое «интуитивное целое», а не как согласованная и проработанная аналитическая

¹ Эта особенность текстов, так же как и основания, из которых она проистекает, роднит Кули с представителями чикагской социологической традиции (Hinkle R.C. Charles Horton Cooley's general sociological orientation // *The sociological quart.* – Hoboken (NJ), 1967. – Vol. 8, N 1. – P. 20; Scheff T.J. Looking glass selves: The Cooley / Goffman conjecture: Paper presented at the Memorial session for Erving Goffman at the Annual meeting of the American sociological association. – Atlanta (GA), 2003), от ранних, таких как У.А. Томас, Ф. Знанецкий, Э. Фэрис, Р.Э. Парк, Э.Ч. Хьюз, до поздних, таких как Э. Гоффман.

² А.Э. Вуд отмечает, что дома Кули проще было «застать за чтением скорее французского романа, какой-нибудь книги по литературной критике, об искусстве, путешествиях или биографии, чем тома из новейшей социологической серии» (Wood A.E. Charles Horton Cooley: An appreciation // *American j. of sociology.* – Chicago (IL), 1930. – Vol. 35, N 5. – P. 707). Круг чтения Кули, реконструированный Вудом по его дневнику, включает такие имена, как Марк Аврелий, С. Батлер, Данте, Дарвин, Р.У. Эмерсон, И.В. Гёте, Дж. Герберт, Г. Джеймс, Фома Кемпийский, Ж. де Лабрюйер, Ф. де Ларошфуко, М. Монтень, Б. Паскаль, Ф. Ницше, С. Пипс, Платон, У. Шекспир, Стендаль, Г. Торо, У. Уитмен и т.д. (Ibid. – P. 708). Р. Бейн вспоминает: «Однажды за ужином, когда я спросил его мнение о новейшей социальной психологии, он с улыбкой сказал: “Вы, должны быть, удивитесь, как мало мы, социальные психологи, думаем о книгах друг друга”» (Bain R. Cooley, a great teacher // *Social forces.* – Oxford, 1930. – Vol. 9, N 2. – P. 164).

³ Jacobs G. Charles Horton Cooley, pragmatist or belletrist? The complexity of influence and the decentering of intellectual traditions // *Symbolic interaction.* – Hoboken (NJ), 2012. – Vol. 35, N 1. – P. 24–48.

конструкция¹. Для Кули была важна не столько научная строгость, сколько жизнеподобие, точность и стиль.

Книги Кули писал медленно. Он месяцами делал записи на отдельных листах, накапливал их, время от времени перебирал и сортировал, что-то выбрасывал, что-то переписывал, пока постепенно не складывалась книга². Постепенность была чрезвычайно важна в свете основополагающей для его мировоззрения идеи органического роста: книга, как и всё в жизни, должна была естественным образом вырасти³. Только так, по Кули, можно достичь целостного схватывания жизни. В мысли о жизни должна отразиться сама жизнь во всей ее многогранности, прерывности и непрерывности, тождестве и эмерджентности. «Чтобы мыслить хорошо, нужно знать, как примирить систему со спонтанностью», – писал Кули в своем дневнике⁴.

Отсюда – нелинейность мышления и текстов Кули.

После кончины Кули такое нестандартное, в каком-то смысле, наследие стало основой для многочисленных и очень разнородных интерпретаций⁵. С начала 30-х годов доминирующая интерпретация

¹ Hinkle R.C. Op. cit. – P. 5; Jacobs G. Op. cit. – P. 27.

² Bain R. Cooley, a great teacher // Social forces. – Oxford, 1930. – Vol. 9, N 2. – P. 162.

³ Таковую же постепенность Кули практиковал в чтении, по много раз возвращаясь к ранее прочитанному для углубления понимания и переосмысления. Такой же постепенности он ждал от студентов, поощряя самостоятельный выбор темы и длительное погружение в нее до появления «инсайта» и почти не вмешиваясь в подготовку диссертаций, кроме как на финальной стадии, когда было ясно, что исследование уже состоялась и осталось лишь превратить его в текст (Bain R. Op. cit. – P. 161, 162). И требованиям такой же постепенности должно было, согласно Кули, отвечать всякое научное исследование человеческой жизни. Он был убежденным сторонником медленной науки. Бейн отмечает: «Значимые росты медленны, а медленные росты с большей вероятностью органичны. В наши дни, когда так много упора делается на обучение через делание, пожалуй, есть мудрость в теории обучения путем выжидания и обдумывания. Мы требуем от студентов так много чтения, а жизнь в кампусе – так много делания, что остается мало времени и сил для думания и приведения опыта в связные паттерны... [Кули] никогда не спешил, никогда не был нетерпелив. Он твердо верил в суверенную алхимию времени» (Ibid. – P. 162, 164).

⁴ Cooley Ch.H. Life and the student: Roadside notes on human nature, society and letters. – N.Y.: Knopf, 1927. – P. 116.

⁵ Помимо статей и более или менее пространных обращений к идеям Кули в монографиях разной тематики, есть несколько специально посвященных ему книг: Jandy E.C. Charles Horton Cooley: His life and his social theory. – N.Y.: Dryden, 1942; Cooley and sociological analysis / Ed. by A.J. Reiss. – Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 1968; Cohen M.J. Charles Horton Cooley and the social self in American thought. – N.Y.;

была задана статьей Мида, содержащей резюмирующую оценку вклада Кули в социальную теорию; в ней было очерчено тематическое ядро теории Кули (Я, природа общества и социального процесса, связь Я с социальным процессом, роль коммуникации в социальном процессе и индивидуальном развитии), а общая позиция Кули была определена как «менталистская», или идеалистическая, локализирующая общество в разуме («общество есть разум», «разум есть общество»)¹. Долгое время эта интерпретация, в силу авторитета Мида, не ставилась под сомнение и задавала границы дальнейших интерпретаций. С высоты наших дней она выглядит специфически искаженной: Мид, хотел он того или нет, изобразил Кули так, что тот выглядел всего лишь его предшественником, выдвинувшим ряд ценных и плодотворных идей, но допустившим при этом много ошибок и не доведшим их до той адекватной и завершенной формы, до которой довел их сам Мид в своей социальной психологии².

Несоответствие Кули-мыслителя тому его образу, который нарисовал Мид, легко обнаруживается при внимательном ознакомлении с его работами. Природа человеческого Я – очень важная тема у Кули, но она присутствует у него наряду с другими равнозначными темами, такими как природа, генезис и траектории

L.: Garland, 1982; Schubert H.-J. Demokratische Identität: Der soziologische Pragmatismus von Charles Horton Cooley. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1995; Jacobs G. Charles Horton Cooley: Imagining social reality. – Amherst; Boston: Univ. of Massachusetts press, 2006.

¹ Mead G.H. Cooley's contribution to American social thought // *American j. of sociology.* – Chicago (IL), 1930. – Vol. 35, N 5. – P. 693–706. Рус. пер.: Мид Дж.Г. Вклад Кули в американскую социальную мысль // *Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; сост. и переводчик В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко.* – М., 2010. – С. 129–143.

² Суть и история этого искажения детально разобраны Г. Джекобсом: Jacobs G. Charles Horton Cooley: Imagining social reality. – Amherst; Boston: Univ. of Massachusetts press, 2006; Jacobs G. Influence and canonical supremacy: An analysis of how George Herbert Mead demoted Charles Horton Cooley in the sociological canon // *J. of the history of the behavioral sciences.* – Hoboken (NJ), 2009. – Vol. 45, N 2. – P. 128–129; Jacobs G. Charles Horton Cooley, pragmatist or belletrist? The complexity of influence and the decentering of intellectual traditions // *Symbolic interaction.* – Hoboken (NJ), 2012. – Vol. 35, N 1. – P. 24–48. Джекобс показывает, что взгляды Кули и Мида в ключевых моментах чрезвычайно схожи и представляют собой две версии прагматической социальной теории, причем в рассмотрении собственно социологической проблематики Кули пошел существенно дальше Мида. Также эти сходства несколько иначе разобраны Х.-Й. Шубертом: Schubert H.-J. The foundation of pragmatic sociology: Charles Horton Cooley and George Herbert Mead // *J. of classical sociology.* – L., 2015. – Vol. 6, N 1. – P. 51–74.

развития институтов, транспорт, медиа и т.п. «Я» у Кули – во многом ментальное образование, но оно не сводится к когнитивным идеям, как это рисует Мид; оно (как и у У. Джеймса, на которого Кули во многом опирался) базируется на самоощущении, которое укореняет его в физическом теле и взаимодействии с материальным миром. Анализ социализации ребенка и формирования его Я в соотношении с социальным окружением – важное и новаторское достижение Кули в контексте изучения связи Я с социальным процессом, но последняя не сводится к этой ограниченной иллюстрации. Понятие первичной группы может отсылать к небольшому сообществу вроде Энн-Арбора, как это усматривается у Кули Мидом, но это не единственный его референт. Коммуникация иногда толкуется у Кули как чисто ментальный (когнитивный) процесс, но принять это толкование как единственное у Кули (на чем настаивает Мид) не выходит, если обратиться ко всему корпусу его работ, в котором коммуникация рассматривается не только как коммуникация идей, но и как коммуникация чувств, страстей, побуждений, а также, прежде всего в «Теории транспорта», как коммуникация тел и физических вещей¹. Что касается упреков Кули в романтическом идеализме, то и они не вполне обоснованы, если помнить, что у него творческое вмешательство в мир, через которое реализуются идеалы, – лишь аспект жизненного процесса, другой стороной которого является инерция и сдерживающее влияние традиции². Итак, отказать Кули в реализме никак нельзя; объективная сторона общества интересовала его так же, как и субъективная, психическая.

Версия социологии Кули, предложенная Мидом, – урезанная, причем выстроенная в логике тех самых «партикуляризов», которые Кули считал главными опасностями для ученого, желающего адекватно описать, понять и объяснить жизненный процесс как в индивидуальных, так и в социальных его аспектах³. Между тем именно она надолго закрепилась в социальных науках и во многом воспроизво-

¹ Стоит обратить внимание, что слово «коммуникация» в английском и русском языках имеет разные коннотации: английскому «communication» соответствует в русском языке не только «общение» (между людьми), но и «сообщение» (как в выражениях «пути сообщения», «железнодорожное сообщение» и т.п.), т.е. «транспортировка», «перевозка».

² См.: Clark M.D. Charles H. Cooley and the modern necessity of tradition // *Modern age*. – Wilmington (DE), 1994. – Vol. 36, N 3. – P. 277–285.

³ Критике «партикуляризма» посвящена целая глава в книге «Социальный процесс». См.: Cooley Ch.H. *Social process*. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1918. – P. 43–51.

дится до сих пор¹. «Целое» социологии Кули было подменено урезанным и неполноценным его дубликатом, дискредитировано и выведено из поля внимания и оборота, а значимость его наследия сведена к нескольким вкладам частного характера, «джентльменский набор» которых включает теорию зеркального Я, теорию социализации и понятие первичных и вторичных групп². «Целое» в его урезанном виде было вписано как ранняя и предварительная работа, еще не вполне научная и больше эссеистическая, в дисциплинарные рамки социальной психологии и традицию символического интеракционизма, и это стало как бы само собой разумеющимся.

Между тем с середины XX в. это классификационное решение все больше ставится под сомнение. Накопившаяся масса альтернативных определений социальной теории Кули – как институциональной экономики³, экономической социологии, социальной экологии, политэкономии⁴, просто эссеистики⁵ и т.д. – волей-неволей заставляет вернуться к тому исходному целому, которое можно столь разнообразно истолковать.

Это целое вряд ли возможно схватить линейно, оно само нелинейное; скорее оно высвечивается как некий гештальт взаимной игрой разных граней, выделяемых и усиливаемых разными частичными интерпретациями. Следует отметить, что эти интерпретации во многом зависят от того, как и в каком объеме берется наследие

¹ В 1950–1960-е годы она утвердилась настолько, что статья Мида была включена в качестве предисловия в переиздание «Человеческой природы и социального порядка» 1964 г.

² Этот набор стандартно воспроизводится за рубежом (особенно в словарях и учебниках) и до сих пор определяет лицо Кули в российской литературе (см., например: Горшков Е.А. Интеракционистский подход Ч.Х. Кули: К определению предмета и метода социальной психологии // Приволжский научный вестник. – Ижевск, 2014. – № 11–2. – С. 80–81). Что касается понятия «вторичная группа», то оно вообще Кули приписано, он его никогда не употреблял (Gutman R. Cooley: A perspective // *American sociological rev.* – Wash.; Thousand Oaks (CA), 1958. – Vol. 23, N 3. – P. 255).

³ См., например: Angell R.C. Cooley, Charles H. // *International encyclopedia of the social sciences* / Ed. by D. Sills. – N.Y.: Macmillan: Free press, 1968. – Vol. 3. – P. 380.

⁴ Simonson P. Charles Horton Cooley and the origins of U.S. communication study in political economy // *Democratic communicate.* – Boca Raton (FL), 2012. – Vol. 25, N 1. – P. 1–22.

⁵ См.: Jacobs G. Charles Horton Cooley, pragmatist or belletrist? The complexity of influence and the decentering of intellectual traditions // *Symbolic interaction.* – Hoboken (NJ), 2012. – Vol. 35, N 1. – P. 24–48.

Кули и как интерпретируется соотношение ранних и поздних его работ, прежде всего – «Теории транспорта» и трилогии.

Один путь, предложенный Мидом и Энджеллом (особенно первым)¹, предполагает рассмотрение ранних работ о транспорте как предварительных, незрелых начинаний и локализует суть социологии Кули в трилогии, прежде всего в первой и второй ее книгах. Второй путь, в наиболее завершенном виде находимый у П. Саймонсона², предполагает рассмотрение всех работ Кули как полноценных частей единого, целостного проекта.

На первом пути наиболее прочно утвердилось размещение социологии Кули во взаимосвязанных, хотя и нетождественных областях *символического интеракционизма* и *социальной психологии*³. В рамках такого размещения развернулось несколько важных линий интерпретации.

Одна из линий проясняет значимость Кули для развития *методологии интеракционистского исследования*⁴ и устраняет «слепые пятна» в генезисе и характере этой методологии, созданные, например, такими влиятельными авторами, как Г. Блумер. Сопоставление блумеровской модели качественного исследования с программными предложениями Кули показывает, что многое в ней не было изобретением Блумера (обычно пренебрегавшего ссылками): постулирование качественного отличия социально-научного наблюдения от естест-

¹ Оснований для этого у них, надо сказать, было предостаточно – и, что важно, прежде всего в текстах самого Кули. Как пишет Энджелл, развив в «Теории транспорта» по сути экологический подход, Кули, «неудовлетворенный этим подходом... обратился в 1990-х годах к рассмотрению более фундаментальных процессов ментально-социального комплекса» (Angell R.C. Cooley's heritage to social research // Social forces. – Oxford, 1930. – Vol. 8, N 3. – P. 346).

² Simonson P. Charles Horton Cooley and the origins of U.S. communication study in political economy // Democratic communique. – Boca Raton (FL), 2012. – Vol. 25, N 1. – P. 1–22. Саймонсон даже прописывает логику перехода от тематики ранних работ к тематике трилогии через понятие коммуникации (р. 6–7).

³ Образцовый пример этой локализации см.: Горшков Е.А. Интеракционистский подход Ч.Х. Кули: К определению предмета и метода социальной психологии // Приволжский научный вестник. – Ижевск, 2014. – № 11–2. – С. 80–85.

⁴ У Кули методологическим вопросам посвящено пять статей (три из них включены в этот сборник). Главное место среди них занимает статья «Корни социального знания», иногда квалифицируемая как «трактат». Синоптический обзор методологических взглядов Кули можно найти у Энджелла: Angell R.C. Cooley's heritage...

венно-научного; требование прямого и глубокого знакомства с фактами и жизнью в изучаемой области; ориентация на постижение и реконструкцию смыслов («понимание»); предпочтение партисипаторных методов (таких как включенное наблюдение, интервью и т.п.) и особая склонность к кейс-стади; настороженное отношение к статистике (неприятие ее как самодостаточного знания о людях и обществе, атрибуция ей искажений социальной реальности, при допущении ее применения там, где она уместна и дополнена надлежащей интерпретацией, т.е. помещена в целостный смысловой контекст). Вместе с тем есть и контрасты: Кули смелее отстаивает роль интроспекции, интуиции и творческого «симпатического инсайта», свободнее в выборе источников и методов сбора данных¹ (тут он ближе к У.А. Томасу и Р.Э. Парку), придает больше веса частным случаям и откровенно подчеркивает художественную («драматическую») сторону описаний и вообще элемент искусства в научном социальном исследовании. Если обобщить, то, разместив Кули в истории СИ как методолога, мы яснее видим тренд интеракционистских исследований к методологическим самоограничениям, в котором можно усмотреть как шаги в сторону более строгой научности, так и систематическое запрягивание тех их составляющих, которые могли бы испортить этот красивый образ.

Другая важная линия интерпретации связана с *социологией эмоций* и вписывает Кули в эту традицию. Например, Т. Шефф, исследуя социологию Э. Гоффмана и представляя его символическим интеракционистом, нашел у него важную линию преемственности с теорией зеркального Я². Эта связка, как он пытается показать, проливает свет на важное достижение Гоффмана в трактовке природы связи между людьми. Зеркальное Я у Кули предполагает разделяемое сознание («жизнь в умах других людей») и две базовые эмоции (гордость и стыд), которые оно вызывает. С точки зрения Шеффа, Гоффман развивает эту идею, подразделяя стыд на смущение и унижение и добавляя в эту модель управление смущением и стыдом, что позволяет заменить старую интеракционистскую трак-

¹ У.Х. Хэмилтон, учившийся у Кули, пишет: «Кули никогда не говорил нам, что делать и как это делать» (Hamilton W.H. Charles Horton Cooley // *Social forces*. – Oxford, 1929. – Vol. 8, N 2. – P. 185).

² Scheff T.J. Looking glass selves: The Cooley / Goffman conjecture: Paper presented at the Memorial session for Erving Goffman at the Annual meeting of the American sociological association. – Atlanta (GA), 2003; Scheff T.J. Looking-glass self: Goffman as symbolic interactionist // *Symbolic interaction*. – Hoboken (NJ), 2005. – Vol. 28, N 2. – P. 147–166.

товку принятия ролей через поведение и когницию новым тройким синтезом «руки, головы и сердца» и тем самым обогатить концепцию интерсубъективности эмоциональным измерением. Без Кули (как основы и фона) это гоффмановское нововведение оставалось незамеченным и непонятым. Хотя из всех парадигм символический интеракционизм сильнее всего связан с социологией эмоций, никто среди классиков интеракционизма не обращал на тематику социальных эмоций так много внимания, как Кули.

Аналогичное переосмысление, но под другим углом зрения (в оптике прагматизма Ч.С. Пирса) было предпринято в отношении понятия первичной группы, изрядно затасканного и искаженного десятилетиями произвольного употребления. Так, Х.-Й. Шуберт, исходя из того, что базовыми элементами теории социальности являются «коммуникация» и «понимание», показал, что коммуникация в первичной группе (конститутивным для которой является «тесный контакт с другими») – это локус, в котором развиваются ценности человеческой природы как предпосылки понимания, симпатии и социального действия как таковых, т.е. любых общностей и любых групп¹. Понимаемое обычно как очень специальное, понятие первичной группы становится в этой реинтерпретации одним из ключевых звеньев в теоретическом обосновании нормативности значений и коммуникации, а также универсальности общего ядра социального опыта, соединенного с культурными различиями.

Более широким размещением социологии Кули, предлагаемым с 1980-х годов и особенно интенсивно в последнее время, является *прагматистская традиция* в широком ее понимании. Основанием для этого служит влияние, оказанное на Кули фило-софией и психологией прагматизма (У. Джеймсом и Дж. Дьюи)², а

¹ Schubert H.-J. The foundation of pragmatic sociology: Charles Horton Cooley and George Herbert Mead // J. of classical sociology. – L., 2015. – Vol. 6, N 1. – P. 51–74.

² Angell R.C. Cooley's heritage to social research // Social forces. – Oxford, 1930. – Vol. 8, N 3. – P. 340; Clark M.D. Charles H. Cooley and the modern necessity of tradition // Modern age. – Wilmington (DE), 1994. – Vol. 36, N 3. – P. 278, 283; Fackler M. Charles Horton Cooley and the futuristic vision // Qualitative sociology. – B.; N.Y., 1982. – Vol. 5, N 3. – P. 190; Gutman R. Cooley: A perspective // American sociological rev. – Wash.; Thousand Oaks (CA), 1958. – Vol. 23, N 3. – P. 252; Schubert H.-J. The foundation of pragmatic sociology: Charles Horton Cooley and George Herbert Mead // J. of classical sociology. – L., 2015. – Vol. 6, N 1. – P. 51–74; Simonson P. Charles Horton Cooley and the origins of U.S. communication study in political economy // Democratic communiqué. – Boca Raton (FL), 2012. – Vol. 25, N 1. – P. 2.

также то, что он «эксплицитно преследовал цель использовать “прагматический метод” для построения общей социологической теории социального действия, социального порядка и социального изменения»¹. В социологии Кули определенно присутствуют фундаментальные особенности прагматистского мышления: антикартезианская направленность², отрицание психофизического параллелизма³ и стремление к преодолению разного рода дихотомий и дуализмов⁴, диалектика⁵, неприязнь к «механике мышления» и антидогматизм⁶, воздержание от линейных схем и излишней формализации понятий⁷, отсутствие интереса к абстрактным построениям и фокусировка на проблемах, отсылающих к проживаемому опыту⁸, абдукция⁹. Кули, как и другим прагматистам, присущ «органический» взгляд на изучаемые явления, запрещающий вырывать их из взаимосвязей внутри целого, к которому они принадлежат, и изучать обособленно; специальное ограниченное их изучение допустимо, но только для удобства и только как предва-

¹ Schubert H.-J. The foundation of pragmatic sociology: Charles Horton Cooley and George Herbert Mead // *J. of classical sociology*. – L., 2015. – Vol. 6, N 1. – P. 51.

² Hinkle R.C. Charles Horton Cooley’s general sociological orientation // *The sociological quart.* – Hoboken (NJ), 1967. – Vol. 8, N 1. – P. 14; Schubert H.-J. *Op. cit.* – P. 51; Simonson P. *Op. cit.* – P. 7.

³ Schubert H.-J. *Op. cit.* – P. 52.

⁴ Clark M.D. Charles H. Cooley and the modern necessity of tradition // *Modern age.* – Wilmington (DE), 1994. – Vol. 36, N 3. – P. 279–281, 284; Wood A.E. Charles Horton Cooley: An appreciation // *American j. of sociology.* – Chicago (IL), 1930. – Vol. 35, N 5. – P. 710. Кули систематически уходит от дихотомических противопоставлений, наводнивших социологию («индивид и общество», «индивидуализм и коллективизм», «наследственность и среда», «кооперация и конфликт», «эгоизм и альтруизм», «традиция и конвенция», «подражание и инновация», «внушение и выбор», «инновация и конформность», «индивидуальность и солидарность», «разномыслие и единомыслие», «бихевиоризм и идеализм» и т.д.).

⁵ Hinkle R.C. Charles Horton Cooley’s general sociological orientation // *The sociological quart.* – Hoboken (NJ), 1967. – Vol. 8, N 1. – P. 17.

⁶ Bain R. Cooley, a great teacher // *Social forces.* – Oxford, 1930. – Vol. 9, N 2. – P. 160–161; Gutman R. Cooley: A perspective // *American sociological rev.* – Wash.; Thousand Oaks (CA), 1958. – Vol. 23, N 3. – P. 252; Wood A.E. *Op. cit.* – P. 711.

⁷ Hamilton W.H. Charles Horton Cooley // *Social forces.* – Oxford, 1929. – Vol. 8, N 2. – P. 186.

⁸ Для Кули, отмечает Р. Гутман, «единственным надежным видом социального знания является знание, схватывающее жизнь во всей ее целостности, как она проживается» (Gutman R. *Op. cit.* – P. 255).

⁹ Schubert H.-J. *Op. cit.* – P. 59.

рительное, а выдача его за что-то большее квалифицируется как ошибка, которую Кули называет «партикуляризмом»¹.

Заметим, что при отнесении Кули к прагматизму последний чаще всего сводится к символическому интеракционизму и социальной психологии², что не только неправомерно само по себе, но и прячет от глаз другие стороны социологии Кули, тоже вписывающиеся в прагматизм. Исследуя жизненный и социальный процесс во всей его целостности, Кули обращается не только к «микро», но и к «макро», не только к личности (Я) и микрокоммуникациям, но и к институтам, транспортным инфраструктурам, массовому поведению, медиа, общественному мнению, социальным классам, проблемам бедности, демократии, конфликтам, международным отношениям и т.п. Этот спектр тем определенно невозможно подвести под социальную психологию.

Рассматривая более широкий круг *прагматистских социологий*, у Кули можно найти в зачаточном или даже проработанном виде сравнимые с ними модели анализа и теоретические заходы, пока не получившие достаточного освещения и разбора в комментаторской литературе. Так, теория институтов и их развития, разработанная Кули под заметным влиянием теории эволюции Дарвина и философии развития У. Джеймса³ и включающая такие элементы, как развитие методом проб и ошибок, конкуренция и отбор, выживание или невыживание, диалектика организации / реорганизации и цикл развития (рост, превратности, упадок и разрушение), во многом схожа с интерпретативной институциональной экологией

¹ Здесь четко прослеживается параллель с Э.Ч. Хьюзом, который называл эту ошибку «этноцентризмом», трактуя последний предельно широко и включая в него всевозможные виды узкодисциплинарных сведений явлений к избранным их аспектам. Как и Кули, Хьюз считал эту ошибку одной из самых серьезных угроз для социологии, желающей адекватно схватить и отразить социальную реальность.

² Этот вариант истолкования и идентификации социологии Кули мы уже рассмотрели. См. также: Dewey R. Charles Horton Cooley: Pioneer in psychosociology // An introduction to the history of sociology / Ed. by H.E. Barnes. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1948. – P. 833–852; Farberman H.A. The foundations of symbolic interaction: James, Cooley and Mead // Studies in symbolic interaction. – Greenwich (CT): JAI press, 1985. – Suppl. 1. – P. 13–27; Gunderson R. Sympathetic introspection as method and practice: Cooley's contributions to critical qualitative inquiry and the theory of mind debate // J. for the theory of social behavior. – Hoboken (NJ), 2017. – Vol. 47, N 4. – P. 463–480.

³ Кули считал обсуждение институтов своим главным достижением в книге «Социальная организация» (Bain R. Cooley, a great teacher // Social forces. – Oxford, 1930. – Vol. 9, N 2. – P. 162).

Э.Ч. Хьюза, экологией организаций¹, а также отчасти угадывается как каркас в блумеровской теории моды. Или, например, у Кули обнаруживаются совсем уж удивительные пророчества и интуиции, которые еще недавно прозвучали бы как «откровения» в устах какого-нибудь акторно-сетевого теоретика или постмодерниста: например метафорический образ общества как потока, образованного подвижными наложениями волн, в конце очерка «Процесс социального изменения»², поразительно похожий на описание делезианской элементарной онтологии города у Амина и Трифта³, или предугадывание размывания и смещения границ между реальным и воображаемым в современную эпоху⁴.

Такая многогранность социологии Кули и разнородность заключенных в ней потенциалов позволяют поставить ее в один ряд с *прагматистскими многомерными социологиями* Чикагской школы (У.А. Томас, Р.Э. Парк, Э.Ч. Хьюз, Л. Вирт и др.)⁵, что иногда и делается⁶.

Однако при рассмотрении социологии Кули в полном объеме такая ее идентификация не была единственной. Были и другие.

В 1950–1960-е годы, когда доминирующее положение в социологической теории занял *структурный функционализм*, были попытки разместить Кули в этой традиции как одного из предшественников⁷. Они были мотивированы укреплением американских

¹ Fackler M. Charles Horton Cooley and the futuristic vision // Qualitative sociology. – В.; N.Y., 1982. – Vol. 5, N 3. – P. 190, 192.

² Включен в этот сборник.

³ См.: Амин Э., Трифт Н. Города: Переосмысляя городское / Пер. с англ. В. Николаева. – Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. – С. 39–41.

⁴ См. подробнее: Fackler M. Op. cit. – P. 191, 192–193.

⁵ См.: Николаев В.Г. Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологии: Случай человеческой экологии // Социологический журнал. – М., 2009. – № 2. – С. 18–55.

⁶ Например, М. Фэклером (Fackler M. Op. cit. – P. 182, 196). Это сходство усиливается, если принять во внимание экологический компонент социологии Кули, содержащийся в «Теории транспорта», включающий, помимо прочего, анализ пространственных структур города, во многом превосходящий модель роста города Э. Бёрджесса.

⁷ Важный документ этих попыток – сборник статей о Кули под ред. А.Дж. Рейсса-мл., вышедший в 1968 г.: Cooley and sociological analysis / Ed. by A.J. Reiss. – Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 1968. Показательна статья Т. Парсонса в этом сборнике: Parsons T. Cooley and problem of internalization // Ibid. – P. 48–67. См. также ранее цитированные статьи Р. Гутмана и Р. Хинкла.

корней структурного функционализма. Кули как нельзя хорошо подходил на эту роль: из всех «отцов-основателей» он больше всех повлиял на развитие дисциплины¹; он был «величайшим толкователем холизма в американской социологии»²; в его социологии легко было найти ту масштабность и многомерность, которую развивали сами парсонсианцы³; ряд понятий у него были близки по смыслу к парсонсианским («ценность», «институты» и т.д.); преобладавшее отнесение наследия Кули к социальной психологии явно было слишком узким, а сведение его к ограниченному ряду идей и понятий слишком явно аннулировало значимость целого, из которого эти понятия были изъяты⁴. Попытки воссоздать Кули-теоретика на основе стандартов теоретической работы, принятых в структурном функционализме, могли быть только ограниченными и не могли увенчаться успехом, хотя бы в силу несовместимости этих стандартов с прагматистской эпистемологией. С одной стороны, они сразу же породили ряд искажений, например трактовку «целостностей» Кули как «систем» и «подсистем», соотносящихся ровно так, как у Парсонса⁵. С другой стороны, необходимо было что-то делать с теми сторонами и компонентами мышления Кули, которые не удавалось втиснуть в стройное теоретическое здание структурного функционализма. Оставалось свести их к «неспособности» Кули выстраивать устойчивые теоретические аргументы и доводить их до конца, сугубой предварительности его работы, «идеализму», «нерациональности» и т.п.; Р. Хинкл, например, отказал Кули в «теории», оставив ему только «общую социологическую ориентацию». Для создания «предшественника», однако, этого было вполне достаточно.

¹ Hinkle R.C. Charles Horton Cooley's general sociological orientation // *The sociological quart.* – Hoboken (NJ), 1967. – Vol. 8, N 1. – P. 5.

² *Ibid.* – P. 6.

³ Кули «предвосхитил во многих деталях современную социологическую теорию», – писал Р. Гутман, понимая под последней структурный функционализм. И далее: «...мне кажется, что Кули часто гораздо ближе к этой традиции, чем любой социолог поколения, предшествовавшего Парсонсу и Мертону» (Gutman R. Cooley: A perspective // *American sociological rev.* – Wash.; Thousand Oaks (CA), 1958. – Vol. 23, N 3. – P. 255, 256). Примерно в том же духе пишет и Р. Хинкл: «Его [Кули] теоретический анализ являет... очевидное предвосхищение некоторых базовых компонентов современной теории социального действия и структурно-функциональной ориентации» (Hinkle R.C. *Op. cit.* – P. 5).

⁴ Хинкл специально это подчеркивает (Hinkle R.C. *Op. cit.* – P. 6).

⁵ Хотя для такой трактовки Кули дает, кажется, не больше оснований, чем, например, для трактовки их как «систем» в духе Н. Лумана.

Еще одна крайняя возможность интерпретации, контрастирующая с попыткой соотнести Кули со «строгой» наукой, – истолковать его просто как *литератора*, опираясь на его связь с эссеистической традицией, – не была до конца реализована, но постоянно витала над его фигурой¹, начиная со статьи Мида, представившей его скорее как наблюдателя, чем теоретика. Кули и в самом деле практиковал в своих работах высокоплотное, имажинативное, эвристическое письмо и вел диалог скорее с великими мыслителями других эпох, чем с современными ему социологами. Но если бы дело было только в литературных достоинствах, он никогда бы не вошел в институциональную память социальной науки. Интерес к художественной стороне его работы затрагивает гораздо больше, чем его судьбу в научной памяти; это вопрос о самой природе социологии и о том, как сочетаются (или не сочетаются) в ней наука и искусство. Для Кули искусство было неотъемлемой частью великого дела познания человека: органическая связь социального процесса и частных человеческих биографий, видимо, требовала для своего точного отражения теоретизирования участного типа, высказываний не слишком догматических и жестких, такого «контурного» письма, которое оставляло бы возможность присоединения к нему читателя с его неповторимым частным опытом – как профессионала, так и просто человека. Хорошо это или плохо, такой стиль письма, содержащий в себе всячески лелеемые Кули элементы интуиции и драматизма, мы находим не только у него, но и у многих других социологов, составляющих цвет нашей дисциплины, от ранних чикагцев (У.А. Томаса, Р.Э. Парка, Э.Ч. Хьюза) до новейших классиков вроде Э. Гоффмана или З. Баумана².

¹ Наибольшее приближение к этой крайности среди найденного – статья Б. Шварца (Schwartz B. Emerson, Cooley and the American heroic vision // *Symbolic interaction*. – Hoboken (NJ), 1985. – Vol. 8, N 1. – P. 103–120).

² Легитимация такого стиля письма позволяет, например, Г. Джекобсу переосмыслить относительные места Кули и Мида в заложении канона символического интеракционизма как равнозначные, взамен мидовской интерпретации Кули как «предшественника». См.: Jacobs G. Influence and canonical supremacy: An analysis of how George Herbert Mead demoted Charles Horton Cooley in the sociological canon // *J. of the history of the behavioral sciences*. – Hoboken (NJ), 2009. – Vol. 45, N 2. – P. 117–144; Jacobs G. Charles Horton Cooley, pragmatist or belletrist? The complexity of influence and the decentering of intellectual traditions // *Symbolic interaction*. – Hoboken (NJ), 2012. – Vol. 35, N 1. – P. 24–48.

Обращение к эссеистической стороне работ Кули позволяет также увидеть вещи, при иных углах зрения оставшиеся незамеченными. Так, при рассмотрении связи идей Кули с философской эссеистикой Р.У. Эмерсона Б. Шварц находит важную линию преемственности в переосмыслении идеи «героического»¹. Кули был единственным в своем поколении социологом, который присоединился к европейским дебатам о роли личности в истории и, опираясь на эмерсоновское переистолкование «великого человека» как «репрезентативного человека», воплощающего в себе в концентрированном виде тенденции эпохи (общества), связал «героическое» с совершенством в исполнении той или иной социальной роли. Это позволило, по Б. Шварцу, определить место «героического» в неавторитарном, неаристократическом, массовом, демократическом обществе наподобие американского и увидеть секуляризацию, принижение и девальвацию «героя» и «героического» как стандартное свойство таких обществ².

Еще одна линия интерпретации – неожиданным образом трактующая ранние работы Кули как основополагающие, а трилогию как новаторское их развитие – размещает Кули в *политэкономической традиции*, прежде всего в традиции *политэкономии коммуникации*³. Этот подход, берущий понятие коммуникации как центральное для Кули и трактующий его в предельно широком смысле (как охватывающее в том числе и транспортировку вещей),

¹ Schwartz B. Emerson, Cooley and the American heroic vision // Symbolic interaction. – Hoboken (NJ), 1985. – Vol. 8, N 1. – P. 103–120.

² Можно и дальше проследить некоторые параллели, о которых Шварц не говорит. Эхо этой идеи Кули мы находим у Э.Ч. Хьюза в связывании исторической роли с социальной ролью и несколько иронической трактовке «героического» как отклоняющегося от нормы совершенства в исполнении ролевых / должностных обязанностей (например, «героизм» целибата как доведенное до совершенства очищение человека от «низменных» помыслов). Другая параллель – анализ понижения «героя» и «героизма» в контексте распада старых сословных структур и становления современного массового крупногородского общества в работах В. Беньямина о Бодлере (см.: Беньямин В. Шарль Бодлер: Поэт в эпоху зрелого капитализма // Беньямин В. Маски времени: Эссе о культуре и литературе / Пер. с нем. и франц.; Сост., предисл. и примеч. А.В. Белобратова. – СПб.: Симпозиум, 2004. – С. 79–172).

³ См. прекрасную работу П. Саймонсона (Simonson P. Charles Horton Cooley and the origins of U.S. communication study in political economy // Democratic communication. – Boca Raton (FL), 2012. – Vol. 25, N 1. – P. 1–22). Он более, чем кто-либо из комментаторов, акцентирует многомерный, антиредукционистский характер работы Кули (р. 2–3) и рассматривает статью «Процесс социального изменения» (включена в сборник) как связующее звено между «Теорией транспорта» и трилогией.

выносит на передний план медиа¹. В политэкономической традиции уже закрепилось рассмотрение медиа (в марксистском ключе) как способных к саморазвитию производительных сил, определяющих изменчивый каркас, в котором развертываются конституирующие общество коммуникации. Кули в этом контексте предстает как важное связующее звено между европейскими теоретиками медиа XIX в. (А. Шеффле, Г. Тардом) и – через чикагских исследователей медиа и коммуникаций (Р.Э. Парка, Х.М. Хьюз и др.) – канадским политэкономом и теоретиком медиа Г. Иннисом и, далее, Г.М. Маклюэном. В других истолкованиях наследия Кули, ориентированных на более узкое интеракционистское понимание коммуникации, увидеть Кули как раннего классика и одного из родоначальников медиаисследований и медиаэкологии вряд ли было возможно.

Наконец, несколько слов в заключение. В 1967 г. Р. Хинкл опубликовал статью о Кули в «Sociological quarterly» как запоздалое извинение за то, что столетие со дня рождения ученого прошло незамеченным. Спустя полвека этот сборник публикуется как еще одно запоздалое извинение – за то, что для нас прошло незамеченным 150-летие со дня рождения подлинного мастера социологической мысли. Сегодня, когда мы, похоже, заблудились в саду расходящихся троп, не будет лишним еще раз вернуться к наследию, в котором эти тропы были все еще в едином саду. Работы Кули, несмотря на давность, до сих пор очаровывают смелостью и нетривиальностью мысли, способностью разрывать шаблоны и открывать горизонты. В конце концов, как говорил Х.Л. Борхес, «если текст хорош, какая разница, написан ли он сегодня утром, или веков двадцать назад, или еще только будет написан».

О составе сборника

При составлении сборника были приняты во внимание два главных соображения. Во-первых, было решено не включать в него, несмотря на всю их важность, работы, уже переведенные на русский язык. Поэтому, и только поэтому, здесь отсутствуют тек-

¹ На эту сторону работы Кули обращает внимание и М. Фэклер (Fackler M. Charles Horton Cooley and the futuristic vision // Qualitative sociology. – В.; N.Y., 1982. – Vol. 5, N 3. – P. 182–198), но он преимущественно излагает ее, не затрагивая ее далеко идущую значимость.

сты о зеркальном Я и первичных группах¹. Во-вторых, мы хотели представить Кули наиболее полно и многосторонне, подобрав главы из книг и статьи так, чтобы была решена эта задача. Эта подборка была ограничена заданным объемом, и, разумеется, при иных обстоятельствах ее можно было бы расширить. Наверное, лучшим решением был бы полный перевод книг Кули. Будем надеяться, что когда-нибудь это случится.

Часть переводов, представленных в сборнике, публиковалась ранее в РЖ «Социальные и гуманитарные науки», сер. 11 «Социология» (ИНИОН РАН). Для настоящего издания они были заново отредактированы, в ряде случаев существенно. Часть переводов публикуются впервые.

¹ Те, кто хочет прочитать о зеркальном Я, могут обратиться к полному переводу книги «Человеческая природа и социальный порядок» (Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. под общей редакцией А.Б. Толстова. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000). Текст о первичных группах тоже переведен на русский язык: Кули Ч. Первичные группы / Пер. Т. Новиковой // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. – М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 328–333.

ТЕОРИЯ ТРАНСПОРТА (1894)*

Введение

Занявшись по случаю изучением транспорта в ряде тех практических аспектов, которые сегодня нуждаются во внимании, я пришел к убеждению, что если мы хотим когда-нибудь разобраться в этой теме, то нужно начать издавна, причем дальше, чем пишущие о нем обычно это делают. Поэтому я задумал написать теорию транспорта, которая развернула бы его наиболее важные связи с экономической и политической жизнью. Примерно в это же время началось мое знакомство с работами новейшей школы социологов, и я подумал, что их анализ общества, особенно работу Шеффле¹, можно взять за основу для осуществления моего плана.

Следовательно, настоящий очерк является попыткой свести воедино эти две вещи: написать теорию транспорта с социологической точки зрения.

Хотя многие из затронутых здесь вопросов были и остаются предметом непрерывного обсуждения, другим уделяли мало внимания. Прежде всего это касается теории местоположения городов, которой я посвятил главу. Я думаю даже, что анализ территориальных связей общества, предложенный в главах IX–XIII, открывает важную область социальных исследований, которой до сих пор во многом пренебрегали. С тех пор как в 1841 г. была опубликована

* Перевод сделан по источнику: Cooley Ch.H. The theory of transportation // Publications of the American economic association. – Pittsburgh (PA), 1894. – Vol. 9, N 3. – P. 5–7, 13–20, 40–45, 62–100. Впервые был опубликован в журнале: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ/ РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2018. – № 3. – С. 245–266. Главы IX, X публикуются впервые.

¹ Schäffle A.E.F. Bau und Leben des socialen Körpers. – Tübingen: H. Laupp, 1896. – Bd. 1.